

К. ЛАНЦА*

**ХРОНИКА VI НАУЧНОГО МЕЖДУНАРОДНОГО
СЕМИНАРА «РИМСКОЕ ПРАВО И СОВРЕМЕННОСТЬ»
НА ТЕМУ «ИНДИВИДУУМЫ И RES PUBLICA ОТ
РИМСКОГО ЮРИДИЧЕСКОГО ОПЫТА ДО
СОВРЕМЕННЫХ КОНЦЕПЦИЙ. ПРОБЛЕМА ПОНЯТИЯ
PERSONA»,
НЕАПОЛЬ, 26–29 ОКТЯБРЯ 2010 Г.**

Я благодарю проф. Л.Л.Кофанова за публикацию этих страниц. Речь идет о моем докладе, подводящем итоги Семинара Второго Неаполитанского университета, которому в конце октября 2010 г. посчастливилось увидеть в числе участников столько коллег и друзей. Я не стал переделывать текста моего выступления (включая и сноски, которые я, разумеется, не зачитывал) и он остается обзором, написанным, когда работа семинара еще не была завершена, основанным на первых впечатлениях или, говоря обычным языком, сделанным «по горячим следам». Конечно, доклад несовершенно и неполон, но я представляю его на ваш суд ради его непосредственности. Другие, более вехиенные материалы появятся в публикации материалов Семинара.

Прежде всего, одно замечание на полях по поводу признаний коллег «позитивистов», которые они сделали на открытии Семинара в отношении римского права. Я именно обязан был сказать об этом, поскольку мы все знаем, что на ученых советах факультетов, и не только на них, дело обстоит совершенно иначе. Что это – непоследовательность ради хороших манер? Разумеется, в присутствии романиста – почетного председателя Конституционного суда, который открывал работу Семинара, и генерального директора кооперации по развитию Министерства иностранных дел, приехавшего из Рима на открытие, чтобы донести свои приветственные слова участникам Семинара по римскому праву, возможно, и нельзя было вести себя иначе. Но помимо хороших манер мои коллеги проявили также и искренность и поэтому такое объяснение недостаточно. Говоря коротко, причина, которая пришла мне на ум, возможно, спорная (надеюсь, что спорная), состоит в том, что многие ученые в области современного права любят римское право, но не любят романистов. Конечно, не самого Ланцу, который не имеет никакого значения, но романистов вообще. А это почему? Потому что они еще способны спорить, могут задумываться, полны щепетильностью и противоречиями. Потому что считают римское право кодексом, стабилизирующим нормы. Если выражаться менее напыщенно, они трактуют римское право как некую *Латинскую пчелу*. Вспомните словарь из 2948 латинских суждений, поговорок и выражений. Вот оно, римское право, как некая огромная *пчела*, как некий ларец, из которого при необходимости можно извлекать драгоценные камни. Или, поднимаясь до высот Савиньи, некая сокровищница.

Романисты не принадлежат к числу эрудитов. Мы являемся юристами, работающими с материалом, который требует изнурительных сопоставлений и постоянно обновляется. Мы никогда не успокаиваемся, мы разделены между неустойчивыми теоретическими конструкциями настоящего, не полагаясь на них, и необходимостью мыслить и переосмысливать их на основе толкования прошлого. Пример этого? Да хотя бы настоящий Семинар. Для эрудитов римского права Семинар по понятию *persona*, возможно, был бы излишним. Для юристов же нет. Это центральная тема и она всегда будет развиваться: я, простите мне мое тщеславие, уже несколько лет развиваю это утверждение. На конференции в Санкт-Петербурге, в которой мне довелось участвовать несколько месяцев назад, я выразил пожелание, чтобы этот аргумент вновь был поднят и всесторонне обсужден у нас при насыщенном участии наших русских друзей. И это нам удалось, чему я очень рад. Даже если понимаю, что эта тема уже изучалась и еще будет изучаться.

Итак, Семинар. Должен объяснить его название: «Индивидуумы и *res publica* от римского юридического опыта до современных концепций. Проблема понятия *persona*». Это название, как оно само нам подсказывает, отражает просветительское начало, поэтому «индивидуумы» стоят на первом плане. Не знаю, насколько это правильно, но я склонен полагать, что рискованно слишком много говорить о понятии *persona*, как это делается сегодня: это уничтожение независимости понятия быть человеком «без его особенностей», экспроприация той гегемонии, которую каждый человек должен иметь в отношении самого себя. Я говорю об индивидууме вместе с его свободой во всей его наготе. Я стремлюсь помнить о том, что контрреволюционные круги Франции в начале XIX века создали слово «индивидуализм» с оттенком

* Карло Ланца – проф. римского права юридического факультета Второго Неаполитанского университета, Италия.

пренебрежения¹. Вместе с тем делаются попытки обозначить этот термин как продукт эпохи, которая «разрушила все узы»: религиозные, семейные, корпоративные². Это та эпоха XVIII века, которая согласно ее яркому недоброжелателю Де Майстре³, открыто проповедала все заблуждения. Это та эпоха, которая выискивала «любое средство для того, чтобы дорогой индивидуум» не был «принесен в жертву обществу»⁴.

Поставить «индивидуума» на первом плане (за исключением тех серьезных философских затруднений, которые сопровождают эту концепцию) значит стремиться избежать этого: кто создает ситуацию, в которой в конце концов может быть сказано, перефразируя некое выражение прошлого века („Du bist nichts, dein Volk ist alles”), «ты ничто, persona – это все». Если же мы будем говорить, пусть даже в ценностном плане, об индивидуумах, о людях, о человеке или просто о человеческом, то, я полагаю, все будет гораздо легче.

Но поскольку мы давно уже знаем, что нам делать с понятием persona, то следует сопоставлять человека с понятием persona. Поэтому в названии есть и фраза «Проблема понятия persona». А действительная проблема в том, что юрист не может доверяться другим. Я не говорю о том, что юристы должны быть в эпицентре интеллектуального мира и изменений, что тем не менее случалось, например, между XVI и XVII веками, но что они по крайней мере должны пользоваться соответствующим пространством и плести свою собственную нить исследования.

Что касается иных трактовок, то если в середине прошлого века можно было написать в лапидарном стиле, что «юридическое понятие persona не совпадает с общим понятием»⁵, сегодня, конечно, для юриста невозможно поспешно отгораживаться от тех трактовок понятия persona, значение которых отличается от традиционного технико-юридического значения.

Понятие persona, как принято почти во всех функционирующих концепциях – если речь идет о ее «суверенитете» - это меняющий содержание резервуар, который может иметь различное наполнение. Можно сказать, что это некая пустая скорлупка, что само по себе полезно, но вместе с тем и опасно.

Наши философы, не вступая в противоречие, дали понять, что понятие persona может быть поставлено в центр наших рассуждений и перевесить понятие «индивидуум» по содержанию и по плодотворным ожиданиям (это юсперсонализм «оптимиста» профессора Лимоне), но само по себе оно остается неопределяемым (это филологическая непреклонность «пессимиста» профессора Д’Анджело).

Как известно, юридическая традиция отличается от философской: юридическое понятие persona сохранилось и стало полезным настолько, насколько (и это не кажется мне игрой слов) оно «деперсонифицировано». Для достижения результата упрощения и уравнивания это понятие основано на так называемом лишенном индивидуальности, анонимном субъекте права. Человек как таковой, его рождение, положение, должность мгновенно становятся одинаковыми. Для их уравнивания необходимо оставить в стороне именно эти критерии: рождение, социальная роль, имущество, пол. Их собственное одеяние, их голос исчезают. Их лица становятся схематичными, и именно в этом, между прочим, заключается смысл маленького логотипа, который вы найдете в приглашении на Семинар: от чисто двусмысленной вещественности римской маски – к современной абстракции (см. рис. 1).

¹ Возможно, этот термин был создан в 1815 г. бароном Франсуа-Августом Фаве де Френлли, ностальгирующим по «Старому режиму»: *Considérations sur une année de l'histoire de France*. Par M. de F... Conforme a l'édition originale de Londres. Paris, Chaumerot jeune, Libraire, Palais-Royal, Galeries de bois, n° 188, Novembre 1815, cap. II, § III (“De la Morale et du Caractère public”), 27.

² *Ibidem*: “Un seul principe existait en France, l’individuisme, l’universel égoïsme, fruit naturel d’un temps qui avait brisé tous les liens. Plus d’amour du prochain là où il n’y avait plus de religion pour en faire un précepte. Plus d’esprit de famille là où la famille se composait à peine du père et des enfants. Plus d’esprit de corps là où tout corps avait cessé d’exister. Point d’amour de la patrie, point d’esprit public, qui est un patriotisme raisonné, là où la patrie était devenue coupable, inutile ou funeste. On retrouvait même à peine dans la fatigue générale cet esprit de parti qui est l’esprit public divisé et une patrie dans la patrie. (Во Франции существовал один единственный принцип, индивидуализм, всеобщий эгоизм, естественный плод времени, которое уничтожило все прежние связи. Больше любви к ближнему там, где больше не было религии, чтобы сделать из этого заповедь. Больше семейственности там, где семья из отца и детей находилась под угрозой. Больше корпоративного духа, там где любое тело прекратило существовать. Не любовь к родине, не общественное мнение, которое является рассуждавшимся патриотизмом, там где родина стала виновной, бесполезной или гибельной. Обнаруживали даже едва в общей усталости эту партийность, которая является 1’ разделенное общественное мнение и родина на родине).

³ *de Maistre G. Saggio sul principio generatore delle costituzioni politiche e delle altre istituzioni*. Città di Castello, 1921. P. 19; *Idem. Essai sur le principe générateur des constitutions politiques et des autres institutions humaines*. Lyon, Chez M.P. Rusand, Imprimeur-Libraire, 1833. P. 1.

⁴ “Andererseits sei Individualismus eine Angelegenheit des liberalisierenden Humanismus, welcher zur Anarchie neige und jedenfalls das liebe Individuum, davor schützen wolle, der Allgemeinheit geopfert zu werden”: так говорит иезуит Лео Нафта (но без какой-либо отсылки на определенную эпоху) в книге: *Mann T. Der Zauberberg*. Berlin, 1924. S. 911 (итальянский перевод: Milano, 1965. Vol. II. P. 384).

⁵ *Santoro-Passarelli F. Dottrine generali del diritto civile*. Napoli, 1954. P. 7.

Рис. 1.

Сегодня этот принцип формального равенства находится в кризисе. И юрист должен искать и найти новые пути. И в этом, я подчеркиваю, заключена одна из целей Семинара: избежать того, чтобы это содержание одного из базовых терминов было просто напросто дано юристам (со всеми значительными и тяжкими рецидивами болезни этой системы).

Единственная связь, которая всегда присутствует в понятии *persona* – это антропоморфическая связь, будь она прямая или метафорическая. Хотя укоренившийся обычай говорить о «человеческой личности» открывает противоречие уже в той точке отправления: она не употребляется при антитезе «юридического лица» (в своего рода догматическом опрокидывании), но возможно его применение в отношении высшего («божественная личность») и в отношении низшего (хотя «личность животного» почти не встречается в лексиконе). Тем не менее, к своему удивлению я нашел выражение «личность животного» в одной книге 1877 г. под названием «О базовых законах разума в царстве животных», принадлежащей Тито Виньоли – философу и антропологу-эволюционисту, директору городского музея естественной истории г. Милана в 1893-1911 гг.

Я считаю возможным разделить выступления Семинара на две части и одно дополнение.

Но прежде всего следует сказать о выступлении Франческо Паоло Казаволы (Неаполь)⁶. В своем вступительном слове к Семинару (утро 26 октября) он выразил одну замечательную истину относительно наших обязанностей юриста. Вспомнив замечательный отрывок из Гермогениана *cum ... hominum causa omne ius constitutum sit* (D. 1.5.2), он неожиданно заговорил об «озарениях» того или иного юриста: о высказываниях, которые в определенный момент «истории» (или лучше следовало бы сказать «в истории») обретают совершенное звучание и соответствуют идеям обновления (хотя бы и после векового инкубационного периода по мере накопления мириад незначительных изменений). Хотя никому из нас не удавалось открывать и выражать реальность в некоей единой концепции, это не исключает вклада наших сознательных усилий в будущие «озарения». Казавола сказал о тоом ином методе, посредством которого его поколение начало осмысливать римское право, в том числе и в том ключе, который имеет отношение и к нам: об исследовании, которое в течение веков вносит вклад в пути построения нашей культуры. И интерес имеется не только к конституционным основам (каковой является семья), но и к отдельным индивидуумам, независимо от того, живут ли они сегодня или жили две тысячи лет назад. Будущее юридической науки заключено в человеческих правах, которые переживут и сбросят с пьедестала государство. Невозможно найти более лучших выражений для легитимации этого Семинара.

Однако, вернемся к тем частям, о которых я говорил.

В начале я коснусь выступлений, которые трактовали концепции понятия *persona* как таковые: выступления, которые предложили нам сущность этого понятия и этого слова как с точки зрения исторической, так и с точки зрения теоретической. Какое значение имело и какое значение имеет понятие *persona*, какова его связь с человеком, с человеческой сущностью, каково его юридическое значение? В эту часть я включаю главным образом труды философов.

Ну, а юристы?

Доклад Джулиано Крифо (Рим) предстал перед нами с весьма богатым содержанием, полный различных точек зрения и областей исследования. В нем важнее не решения, а поставленные проблемы. В нем поднимаются материалы, начиная от нашей конституции, в которой понятие *persona* появляется всего несколько раз, до примеров из других конституций, где имеются и менее крупные категории человека (отец, мать, сын...), от толкования одного утверждения Жемоло («*persona* – это скала среди волн») до «общности» (*Gemeinschaft*) Вебера и «общества» (*Gesellschaft*) Теодора Литта. От Бетти до Гадамера. От высказываний в цicerоновском *De officiis*⁷, до Исидора и до определений Псевдо-Алквины в *Disputatio puerorum*⁸, до Ж.Б.Вико и до Св. Павла в интерпретации Амбросиастера⁹. Затем в докладе идет речь об изменении системы наших учебников по основам римского права, об автономности раздела о лицах, ранее

⁶ Франческо Паоло Казавола – почетный председатель Конституционного суда Италии, до приглашения в Конституционный суд преподавал в Неаполе, выйдя на пенсию, среди прочих занял должность председателя Энциклопедии Треккани, в настоящий момент является председателем Национального комитета по биоэтике и преподает в государственном университете Suor Orsola Benincasa г. Неаполя.

⁷ *Cic. De off. I. 107* слл.

⁸ Migne, CI 1106 : Inter. *Quare dicta est facies?* Resp. *Facies ab effigie est dicta, ubi est enim tota figura hominis, et uniuscujusque personae cognitio.* Inter. *Quare dicitur vultus?* Resp. *Vultus dictus est, eo quod per eum voluntas animi ostenditur.*

⁹ Migne, XVII 47 ss.

включенного в семейное право. Наконец, рассматривается переписка между Бетти и Ла Пира, в которой маэстро призывает своего ученика изучать понятие *persona* через институт *capitis deminutio*.

Теперь о философах.

Прежде всего о масштабном полотне Джулио Мариа Кьоди (Инсумбрия). Он витает, построив доклад вокруг нескольких характерных цитатах. Согласно Монтестье (Размышления о причинах величия римлян и их упадка) вначале появляются политические вожди и люди, создающие государственные институты, впоследствии же уже эти государственные институты формируют вождей и людей. Здесь мы оказываемся перед лицом движения по кругу: от людей к государственным институтам, от институтов – к людям. Затем представлен Маккиавели, который разъясняет, как социальная система должна поддерживаться соучастием силы и убеждения – создателей правительства. А вот знаменитый фрагмент из Св. Августина: «Если не соблюдается справедливость, то чем являются государства, как как не большими бандами воров? Поэтому и банды разбойников разве не являются маленькими государствами?» Справедливость, добавлю я, в общих, абсолютных границах, потому что Августин объясняет, как внутри себя банды злодеев «всегда является группой индивидуумов, которая поддерживается приказами вожака и связана соглашением... и добыча разделяется согласно закону этого соглашения»¹⁰. Кьоди утверждает, что мы можем понимать справедливость, выражая лишь одно ее значение: это то, что позволяет жить в данной ситуации, в данный неповторимый момент. Справедливость не может стать законностью. Справедливость находится внутри (а не над) всякой нормы. А в конце Кьоди говорит, что мы, рационалисты, хотели уничтожить миф, а вместе с ним и ритуал. И ныне перед мифами об атрибутике, нелогичности, грубости. Однако, это мифы, необходимые человеку для самопризнания, а может быть и для самопознания.

Антонелло Д'Анджело (Рим) выступил на Семинаре, обратившись к теме толкований Св. Томмазо и Дунса Скота учения о триединстве. Св. Томмазо говорит о некоем отношении между Тремя Лицами, которое не является случайным, но совпадает с их сущностью. Дунс Скот, упрощая сложную аргументацию доклада, сомневается в этом. Далее, продолжая упрощение, человеческая личность – это первая сущность (то есть, индивидуальная), а следовательно, невыразимая. Первая сущность «этот человек здесь» (Сократ) никогда не может быть ни истолкована посредством иной сущности, ни существовать в иной сущности. Иное дело вторичные сущности, то есть *species* (как «человек») и *genera* (как «животное»), которые могут выражаться через первичные сущности. Например, можно сказать «сам по себе Сократ – это человек», но нельзя сказать «сам по себе человек – это Сократ». Лицо содержит в себе также некое «отношение», а следовательно, и некую способность к сравнению с и между другими лицами: но такое «отношение» не является частью сущности этого лица. У божественного начала, наоборот, «отношение» - это не та случайность, которая присуща субъекту, но оно совпадает с самой божественной Сущностью и поэтому оно является значимым. Но в чем польза для юриста, такого как Карло Ланца, с большим трудом понимающего философов, от выслушивания доклада Д'Анджело? Если мы будем настаивать на свойствах «отношений» лица, то теперь знаем, что говори о чем-то, что не является для лица случайным. Если мы говорим о лице, то говорим о его «индивидуальной сущности», которой свойственна «рациональная природа» и эта рациональность должна проявляться в его действиях, а не в его возможностях. Такое очищение концепции носит сущностный характер и с Д'Анджело мы постигли эту мудрость.

Джузеппе Лимоне (Неаполь) начал свое выступление с утверждения, что проблема понятия *persona* – это отнюдь не проблема одного слова. Это проблема живого тела, которое способно сказать «я». Оставляя за рамками многие привлекательные идеи его выступления, отмечу, что *persona* – это нечто недоступное для понимания и неисчислимое. Но кое-что делает это понятие общим для всех и это общее для всех нас заключается в «исключительности», неповторимости каждого из нас. И право должно принимать во внимание «исключительность» каждого конкретного, сделанного из мяса и костей человека, а не человека вообще. В своем докладе Лимоне затронул все стороны своего юснатурализма.

Теперь о выступлениях Кофанова и Сакки.

Леонид Кофанов (Москва) продемонстрировал, как *persona* в своем происхождении была связана с использованием жертвенных и религиозных изображений. Согласно Макробию, Геркулес научил римлян заменять настоящие человеческие головы, использовавшиеся в некоторых ритуалах, на маски. Развитие *ius personarum* связано с описанным Полибием *ius imaginum*. Это последнее, свойственное родовой элите, имеет ярко выраженный публичноправовой характер. Весь римский опыт украшен человеческими, а в архаическую эпоху и тотемическими образами. Следует отметить, что *factores*, помощники понтификов использовались для создания *personae fictae* и не только в отношении людей.

Сложная и многослойная реконструкция Освальдо Сакки (Неаполь) посвящена теме появления индивидуальности в античном мире. Он говорит, что в этой теме соединяется множество элементов: слово *persona* вовлекается в юридический язык, его употребление в стоицизме, платонизме. В заключении он рассматривает известнейшее определение понятия *persona*, сделанное Боецием.

Все в том же разделе я рассмотрю и выступления, которые дают прямые или косвенные свидетельства по данной теме, затрагивая ее специфические аспекты.

¹⁰ De civitate Dei IV. 2 (Migne, XLI 115): *remota itaque iustitia, quid sunt regna, nisi magna latrocinia? quia et ipsa latrocinia quid sunt, nisi parva regna? Manus et ipsa hominum est, imperio principis regitur, pacto societatis astringitur, placiti lege praeda dividitur.*

Константин Танев (София) в докладе «Римский судья и понятие *persona*» рассматривает источники о том значении, которое должны иметь судья и адвокат. Среди этих источников наиболее значимым является фрагмент из Цицерона (*off.* 3.43): *ponit ... personam amici, cum induit iudicis*. Здесь оратор ссылается на случай, в котором некто является судьей в процессе, в котором участвует его друг. Ради краткости я не буду говорить о проблеме полезности и вреда от профессионализации судей и о пожизненности этой должности, о вопросах актуальности этих проблем, чего Танев также касается в своем докладе.

Лео Пеппе (Рим) в докладе «Заметки по поводу *dignitas*» предложил нам подробное обсуждение теории о *dignitas* и подборку порой весьма удивительных фрагментов, из которых приведу лишь некоторые примеры. Говоря кратко, в трактате *Rhet. ad Her.* (III. 2. 3) и в цicerоновском трактате *De inventione* (II. 160: *iustitia est habitus animi, communi utilitate conservata, suam cuique tribuens dignitatem*) *dignitas* – это термин, обозначающий положение индивидуума. В Дигестах Юстиниана (D. 5.1.18) имеется казус, допускающий иск по поводу *dignitas*. Но в D.21.1.44 *pr.*, свидетельствует Пеппе, *dignitas* применяется в отношении раба (*propter dignitatem hominum*) и используется в значении продажной стоимости. Равным образом, о продажной стоимости идет речь и в D.21.2.47 (*decem dignus sit*), и в D.24.1.28.3 (*quindecim dignus sit*), и в D.24.1.28.4 (*decem dignus sit*). Варрон (*rust.* 2.1) говорит о терминах *origo*, *dignitas* и *ars* в отношении пастушества и здесь *dignitas* имеет материальное значение и связывается с богатством, которое добывается вскармливанием скота. Удивлены этими данными те, кто, как и я, поверхностно трактует моммзеновское восстановление значения *dignitas* в известном фрагменте из *Res gestae* 34. 3.

Кармен Пеннакьо (Неаполь) в докладе «*Prósopon* в трех фрагментах Дигест» дает оценку трем греческим текстам Модестина (D.26.3.1.1-2 и D.27.1.13.1), в которых этот греческий архетип понятия *persona*.

Далее следуют выступления «конституционного» характера. Два из них, доклад Винченцо Маннино и доклад Джованни Манчини охватывают тему *civis*.

Маннино (Рим) дает широкий обзор проблематики, охватывающей концепцию «суверинитета» и его кризиса. Затем (на базе отсутствия «суверинитета» в Риме) он проиллюстрировал многоуровневые, а потому неоднозначные отношения гражданина (*civis*) внутри и в сравнении с различными властями. Сегодня модели «глобализации» оказывают сопротивление традиционная конфигурация отношения гражданин – государство; во всяком случае, ясно, что сосуществование множества систем приводит к кризису традиционного порядка.

Джованна Манчини (Терамо) показала, что в источниках, относящихся ко II в. до н.э., *civitas* – это не наше гражданство, что о некоем юридически стабильном «праве гражданства» нельзя говорить по крайней мере до конца II в. до н.э., что понятие *civitas* зародилось как некое место которое включает в себя или исключает индивидуума без гарантирования связи взаимоотношения «гражданин – государство». В опыте греческих полисов, наоборот, *politeia*, как понятие гражданства, рождается в пределах исключительно юридических, выражая отношение между гражданами (*polites*) и конституцией (*politeia*) полиса. Оба термина, *civitas* и *politeia*, могли быть использованы в двух значениях (объективном и субъективном), но в разных концептуальных значениях. В Риме в последующие века термин *civitas* сначала станет применяться для обозначения всех юридически значимых, но неодинаковых форм, для отношения «индивидуум – политическая общность», а после *constitutio Antoniniana* – для отношения «подданный – суверен». Парадоксально, но именно через этот последний пункт развития, в котором отсутствует какая бы то ни было форма «политического» гражданства, может быть установлена генеалогическая связь между *civitas Romana* и современным гражданством: подчиненные императору (*dominus*) древние и мы – подданные государства.

Джованни Лобрано (Сассари) в докладе «*Res publica* между *societas* и юридическим лицом» отмечает, что создатели нашей конституции поставили в ее центр республиканскую форму правления (ст. 139, убранный при пересмотре конституции), однако в 1968 г. Маранини объявил концепцию Республики неопределенной. Кант для вечного мира считает необходимой республику, но республику представительскую, то есть республику современную. Для Руссо, наоборот, только прямая демократия древних является истинной республикой, а не представительская система (согласно недавней конституционной теории представительство – это нечто иное, как говорит Лобрано, пустое, лишнее слова). Цицерон (*rep.* I. 39) идентифицирует *res publica* и *res populi*, и народ – это «*coetus multitudinis iuris consensu et utilitatis communiione sociatus*». Для Лобрано именно на модели *societas* основывается римская республика. По его мнению, это единственное, что имеет значение, так как не затемняет власти общности и не ставит на ее место некую фиктивную персону (*persona ficta*) юридического лица.

Целое полотно, широко освещающее семейные отношения, отношения власти и гражданства, развернуто в докладе «Правоспособность граждан: древний Рим и современность» Валерия А. Мусина (Санкт-Петербург). В докладе приводятся многочисленные пункты соприкосновения этой темы с опытом современности, главным образом, российским. Среди прочего, справедливо подчеркивает Мусин, еще и сегодня не решены противоречия между правами человека и правами гражданина.

Ко второй части я отношу те выступления, которые, сняв маску-лицо, углубляются в различные положения человека и в которых, интересуясь более конкретными, я бы сказал, менее глобальными проблемами, чтобы не быть неправильно понятым, где встречаются части с виртуозным толкованием. Здесь есть анализ, который объясняет нам, *in corpore vivi*, пластичность римского развития в правовой области

субъектов. В этой части, так сказать, затрагивается отсутствие систематического плана. Доклады этой части вводят нас в пантеон типологий. Не могу сказать, что здесь есть риск не увидеть за деревьями леса. Конечно такой риск принципиально мог бы быть, но этого не случилось.

Карло Вентурини (Пиза) в докладе «Aut liberi aut servi: некая *summa divisio* между нормативной адаптацией и концептуальными исправлениями» отметил, что формула *in libertate esse voluntate domini*, обсужденная Псевдо-Квинтилианом (decl. 340, 342) и отнесенная им к некоей *lex*, возможно, корреспондирует с одной нормой, содержащейся в *lex Iunia Norbana*. Вентурини разъясняет отношение этого закона с предыдущей *lex Aelia Sentia*. Более древние меры дали в пользу вольноотпущенников моложе 30 лет привилегию *anniculi causae probatio*, подчиненную браку, заключенному в специфических формах. Этот институт присутствует и в последующем законе, где он расширен также и в отношении отпущенных посредством неформальных манумиссий. С этой уступкой связана проблематика, обсуждаемая Гаем (II. 80). Таким образом, Августовское законодательство благодаря *anniculi causae probatio*, хотя и в ограниченной форме, стало источником последующих нововведений мягкости.

Алессандро Корбино (Катания) посредством убедительного анализа текстов от Гая до Квинтилиана, до Апулея, Цицерона и Кальпурния Флакка определяет отношение *genus-species* в формулах *in causa mancipii* и *in mancipio*. Таким образом устраняется простой терминологический вариант, поддерживаемый теорией.

Элио Довере (Неаполь) в докладе «Проблема личности. Невостребованность наследства и наследственный раб» защищает подлинность фрагмента D. 41.1.61 pr. Неопределенность этого текста восходит к тому, что Гермогениан был юристом, «думающим по гречески». В рамках тематики лежачего наследства, которая используется с теоретической смелостью, Довере двигается с осторожностью: он говорит о центре обвинения, он использует нейтральное выражение «невостребованность», он говорит, что рассмотренный отрывок представляет плодотворную встречу эмпиризма и теории.

Пьерлуиджи Дзаннини (Турин) утверждает в свое докладе, что идея *levitas*, как объяснение опеки над женщинами, которую описывает Гай (I. 144; I. 190), является продуктом влияния греческой культуры. Римский архаический опыт установила их подчиненность в связи с экономической целесообразностью. Дзаннини не допускает, что уже децемвиры предоставили *pater familias* право назначать для женщины опекуна. В этом отношении Гаю не хватает исторической перспективы. Это настоящий удар по давно существующим представлениям о понятии *levitas*: еще Филомузи Гуельфи писал, что между мужчиной и женщиной существуют «психологические» и «этические» различия и утверждал, что «право не должно абстрагироваться от этих различий»¹¹.

Елена Криницына (Москва) осветила правовое положение отпущенников Церкви в вестготской Испании: положение более низкое по сравнению с вольноотпущенниками Древнего Рима. Освобожденные рабы и их наследники оставались связанными с Церковью отношениями продолжительного, «вечного» патроната.

Алексей Рудаков (Москва) в своем докладе проявил интерес к позднеантичному понятию *personaе publicae*: он показал, как физические лица, выполняющие публичные функции были напрямую, «персонально» ответственны своим имуществом. Это понятие несоизмеримо с современной концепцией юридического лица.

Елена Ляпустина (Москва) в докладе «*Persona incerta* и завещательные распоряжения в пользу муниципиев» обратилась к теме города как получателя наследства, к понятию *corpus incertum*, к дефекту «воли». В частности, анализировались тексты Плиния Младшего (*Plin. Ep. 5.7*) и римских юристов (*Tit. Ulp. 22. 4-5; D.3.4.1.1*).

Андрей Ширвиндт (Москва) обратился к теме фикции, рассматривая ее не только юридические, но и идеологические механизмы, на базе которых основывалась статичность и в то же время динамизм этого института.

Лучиано Миньери (Неаполь), рассматривая древнейшие христианские общины, объясняет, каким образом первоначально они формировались исключительно как объединения по факту. Только с начала IV в. н.э. они становятся титульными центрами приобретения движимого и недвижимого имущества.

Лучия Монако (Неаполь) в докладе «*Non sunt liberi qui contra formam humani generis converso more progredientur*» на анализе различных источников показала, что оценки юристов в области физических отклонений главным образом подчинены общему текущему общественному мнению, а не медицинской науке. Такие мнения (и такие оценки) колеблются в весьма широком диапазоне: характерным является случай с гермафродитом.

В докладе «*Hetera* и *meretrix*» Генка Модзухина (София) дает живой образ проституции и ее эксплуатации.

Теперь дополнение, которое я назвал бы «воинствующим». Я думаю, что такое определение понравилось бы Пьеранджело Каталано. Мы были рады принять в пределы воображаемых стен Семинара круглый стол «Зачатые дети и *res publica*», задуманный именно Каталано и проходивший под председательством Мануэля Х. Гарсия-Гарридо. Можно в большей или меньшей степени соглашаться по поводу результатов, но очевидно, что все романисты обращаются к прошлому, чтобы найти в нем какие-то

¹¹ *Guelfi F. Enciclopedia giuridica. V ed. Napoli, 1907. P. 190 ss.*

побуждения или даже прямой инструктаж относительно этой темы. Подтверждением этого является прямого Каталано: он без всякого опасения говорит о ложности своих положений.

Данная тема – это своего рода вызов. Это тем, которая стимулирует, но чувствительна к возражениям по поводу метода. Римская асистематичность, о которой я уже говорил, не способствует созданию структур, строго определенных, связанных единым шагом или единой нормативной диктовкой, пренебрегающих практическими соображениями, которые лежат в ее основе, и свидетельствами, которые ей противоречат. Выбор в пользу единого источника как сущности – это не только смело, но и опасно. Для римлян, не связанных с логикой системы, с ее последовательностью, речь идет прежде всего о различных средствах, продиктованных различными импульсами, требованиями. В целом, что касается зачатого ребенка, большее или меньшее присутствие ситуаций применения власти, большего или меньшего интереса государства, даже некоторая подозрительность в отношении женщины, обнаруживает пересечение неоднозначных мнений у римлян. Они не сводятся в «систему», если под «системой» мы понимаем некий комплекс элементов, во всех своих частях связанных с неким организующим принципом¹². Впрочем, осознание этого проглядывает и в самом названии круглого стола: «Зачатые дети и *res publica*», в котором, как я понимаю, имеет место диалектика двух терминов, а не абсолютное, безусловное превосходство одного над другим.

Переходя к краткому обзору докладов круглого стола, скажу, что заслуживает особого внимания доклад «*Nasciturus* и право на жизнь. Философско-правовые основы и правовая защита» Федерико Фернандеса де Бухана (Мадрид), предложившего в виде компендиума общую реконструкцию биологических, этических, философских и религиозных проблем. Согласно де Бухану, они призваны совместно защищать «Жизнь» с момента ее первого проявления.

Мануэль Хесус Гарсия-Гарридо (Мадрид) в докладе «Право женщины на аборт в испанском законодательстве и юриспруденции» отметил неконституционность недавнего испанского закона «О сексуальном репродуктивном здоровье и о добровольном прерывании беременности», с помощью значимых примеров подчеркивая его отклонения. Себастьяно Тафаро (Бари) представил обзор классических источников о зачатом ребенке с блестящим, а временами даже виртуозным их анализом. Мария Пия Баккари показала связь между защитой зачатого ребенка и интересом *res publica* не только в численном увеличении *populus*. Клаудия Террени дала критику положений Савиньи и Виндшайда о зачатом ребенке, показав их подчиненность «системе».

Наконец, в последнее прекрасное и весьма продуктивное утреннее заседание (29 октября), когда участники Семинара были в Неаполе гостями Департамента римского права, названного в честь Ф. де Мартино (Неаполитанский университет им. Фердинанда II) у проф. Карлы Мази Дорини, обращение которой в рафинированной форме продемонстрировало внимание к нашей теме, были заслушаны: доклад «*Persona magistratum*» Козимо Кашоне (Неаполь) с достойным внимания тезисом, что слово *persona* на латинском языке, «восполняя» отсутствие артикля, имело определенную функцию и выражало потенциал абстрагирования, классификации, догматизации; острый и смелый доклад «*Possessiones* и *possessores* между публичным и частным правом» Дмитрия Дождева (Москва) на тему, которую юридическая наука XIX века переосмыслила для собственного употребления; широкий и полный анализа текстов доклад «Непослушные сыновья и непочтительные отпущенники перед римским проконсулом» Александра Смышляева (Москва); доклад «Римско-правовые элементы у Павла Кристиана из Кольдина» Микеля Скрейпека (Прага), в котором был дан глубокий аргументированный анализ взглядов этого чешского юриста XVI века. Скажу так, все эти доклады были вами сегодня заслушаны, так же как и комментарии к ним нашего председателя заседания проф. Летиции Вакки. Так что, теперь я свободен. И вы свободны. Спасибо.

¹² Почти так же характеризует это Р.Орестано: *Orestano R. Azione. Diritti soggettivi. Persone giuridiche. Scienza del diritto e storia*. Bologna, 1978. P. 117; *Id. Il "problema delle persone giuridiche" in diritto romano*. I. Torino, 1968. P. 17.